

УЛАН-БАТОР КАК «НЕ-МЕСТО»

© 2019 В. ТЕРЕНТЬЕВ

DOI: 10.31857/S032150750004384-4

В статье исследуется проблема трансформации менталитета кочевых монголов, активно переселяющихся в последнее время в столицу - Улан-Батор. Параллельно рассматривается характер организации городского пространства вчерашними номадами и процесс перенесения в столицу из степи специфических культурных стереотипов. В описываемых миграционных практиках в самосознании переселенцев в отрыве от традиции становятся максимально актуальными образы и представления о кочевой культуре, требующей ее переосмысления.

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, город, кочевая культура, самосознание

ULAANBAATAR AS A NON-PLACE

Vladislav I. TERYTYEV, PhD (History), history teacher, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar branch (vlad33@bk.ru)

The article examines the problems of changing mentality and identity of the nomadic Mongols, who at the beginning of the XXI century actively moved to a relatively permanent place of residence in the capital of the country - the city of Ulaanbaatar. The process of transforming urban space by yesterday's nomads and the technology of transmitting specific cultural stereotypes from the steppe to the capital is described in the article. When moving to the city from provincial immigrants from the rural areas, images and ideas about nomadic culture become more relevant. However, these images cannot truly function in the context of urban life. This happens in isolation from the tradition and through its rethinking of nomadic life. These circumstances are extremely specific in the conditions of urban everyday life and manifest through nostalgia for motherland and nomadic culture. The theoretical and methodological novelty of the study is the experimental use of the conceptual model of «non-place» (anonymous places) by the French anthropologist M.Auge. The article attempts to explore Mongolian culture from the inside through emic analysis (emic standpoint). The no ownership of Ulaanbaatar is confirmed firstly by the fact that the provincials perceive the city as a seasonal camp from which it is necessary to migrate to another camp (abroad or back to the provinces). Secondly, Ulaanbaatar is not perceived by its inhabitants as a small homeland. The images of small homelands and discourses about these images are the basis for the identity of an any modern Mongolian.

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, city, nomadic culture, self-identity

В столице Монголии, Улан-Баторе, по разным сведениям на конец 2018 г. проживало более 1,6 млн человек, т.е. каждый второй гражданин страны с населением приблизительно в 3,2 млн.

Само слово «проживает» не передает состояние времяпрепровождения рядового городского обывателя. Оно по инерции рисует перед глазами, к примеру, российского читателя, определенность, оседлость и, главное, условную статичность, ограниченную городским пространством. Все это лишь отдаленно относится к Улан-Батору. Здесь возникает проблема поиска языка описания монгольской современности и необходимость ввода постоянных оговорок, обусловленных актуальным монгольским бытом.

В нашем случае вместо слова «проживает» корректнее употребить «находится», причем периодически. Подобная расстановка акцентов связана с

динамикой населения столицы. При попытке анализа монгольской реальности применение «обычной» для нашего описательного языка лексики крайне затруднительно. Впрочем, условно и само отнесение Улан-Батора начала XXI в., с его высокой степенью рурализации*, в разряд «городов».

На основе повседневных личных наблюдений автор пытался понять, как Улан-Батор** влияет на изменение менталитета новых горожан - вчерашних кочевников. В рассуждениях за исходное взят тезис или, конкретнее, понимание о кочевничестве как необходимой и неотъемлемой части современной монгольской идентичности, не исчезающей в процессе переселения степняка в город.

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич, кандидат исторических наук; учитель истории Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г.В.Плеханова. Монголия, 210351, Улан-Батор, пр. Мира, 131 (vlad33@bk.ru)

* Рурализация - отток населения из городов в сельскую местность, процесс, противоположный урбанизации. Здесь имеется в виду рурализация городского пространства, т.е. превращение города в село (прим. авт.).

** Далее по тексту синонимом «Улан-Батору» используется слово «город», поскольку в обыденном представлении монголов столица считается единственным городом, несмотря на наличие в стране других населенных пунктов с таким же статусом (прим. авт.).

К такой формулировке подталкивает историческое прошлое и текущая монгольская действительность, с ее механизмами формирования и поддержания национальной идентичности, замкнутыми на мифе о Чингисхане, памяти о «золотом» XIII веке (периоде существования Монгольской империи) и глубокой традиции, видоизменяемой лишь отчасти (более подробно об этом см.: [1]). Кочевничество, по мнению автора, обозначается как состояние души, как сумма образов и представлений обо всех элементах кочевой культуры, перешедших на уровень самосознания монгола, осознания себя и своей этничности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Концепцию «не-места» (или «ничейного пространства») сформулировал французский антрополог М.Оже. Этим термином он обозначил места кратковременного и анонимного пребывания (торговые центры, автодороги, аэропорты, вокзалы, гостиницы и т.д.) [2]. Экспериментальное использование обозначенной концептуальной модели составляет теоретико-методологическую основу данного очерка, посвященного анализу городской многомерности Улан-Батора и самосознания его обитателей.

Несколько лет назад в урбанистике в рамках теории М.Оже уже говорилось о «ничейности» города. В частности, берлинский профессор Р.Линднер отмечал, что «у социологов город - это обычно место, которое ничего не говорит нашим органам чувств; мы его не слышим, не чувствуем ни его запаха, ни его вкуса, так что, строго говоря, город становится своего рода “ничейным пространством”, “не-местом”» [3].

В одной из предыдущих публикаций я описывал процесс трансформации, восприятия и освоения пространства столицы Монголии вчерашними кочевниками, переселившимися сюда из степи на относительно постоянное место жительства [4]. Очевидно, это была одна из немногих работ, характеризующая весь Улан-Батор системно как феномен посткочевничества. По схожей тематике, отмечающей его самобытность, существует еще несколько публикаций. В них говорится о его современном социокультурном облике [5], описывается проблема юрточных кварталов, составляющих, по подсчетам улан-удэнского исследователя А.С.Бреславского, 60% застроенной территории [6]*, делается попытка изучения столицы

Монголии через концепцию мирового города [7], обозначаются актуальные проблемы планировки и городской застройки [8].

В ходе работы буду опираться на адекватную модель описания нынешней монгольской аутентичности, используя язык самой культуры, т.е. эмный подход (*emic*-анализ). Он подразумевает изучение монгольской культуры изнутри, с точки зрения самих монголов путем использования «терминов носителей данной культуры и специфичных для культуры единиц анализа» [9, с. 89].

КОЧЕВНИКИ ПРОТИВ ГОРОДА?

Кочевая культура обесмысливает наличие города. В условиях перманентной динамики всего населения он, с присущей ему статикой, теряет свою прагматику. Для примера вспомним историю самого известного монгольского города Хархорин (Каракорума). При Чингисхане в начале XIII в. место выполняло функции кочевой ставки. Застройка данной локации как стационарного поселения началась во времена правления Угэдэя (1229-1241), преемника основателя Монгольской империи. По причине несформированности городской традиции у кочевников, основания династии Юань в 1271 г. и фактического распада Монгольской империи к последней четверти XIII в. столица теряет свой статус. И постепенно, с начала XIV в., падает значение самого населенного пункта. Попытка возвращения Хархорину столичного положения, предпринятая в XVI в., скорее, носила символический характер.

Это связано с одной простой идеей: город в контексте кочевой цивилизации «не несет перво-степенное цивилизирующее значение» [10, с. 17]. То есть он является лишь механизмом организации политического пространства, средством выражения власти и доминирования над подчиненными земледельческими культурами. В силу того, что кочевое сознание современных монголов очень тяжело и специфически поддается социокультурным трансформациям, указанная сущность восприятия города кочевником сохраняется и сейчас.

Теоретически в социологической урбанистике встречается два противоположных взгляда на город и его обитателей. С позитивной точки зрения, образ жизни горожанина - «утонченное, интеллектуализированное и дистанцированное поведение, разделение публичной и приватной жизни, работы и досуга» [11]. Сторонники критики цивили-

* По данным Всемирного банка (2010 г.), опубликованным в той же статье, данный показатель составляет 90%. В цитируемом докладе содержится большое количество информации о юрточных районах (см.: Managing Urban Expansion in Mongolia: Best Practices in Scenario-Based Urban Planning - <http://documents.worldbank.org/curated/en/557571468275094362/pdf/550280PUB0Urba100Box34943B01PUBLIC1.pdf> (accessed 06.12.2018)). Также по теме см.: Шуравлин А.В., Бондарев Б.Е., Дариймаа Л. Особенности организации территории города Улан-Батор (Монголия) // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2015. № 1 (121) (прим. авт.).

лизации интерпретируют скопление людей «как сборище, а инфекцию - как заражение чуждым духом, как насаждение взглядов, позиций и практик, противных данному обществу» [11].

Посмотрим на Улан-Батор через призму переносимых амбивалентных взглядов. С первой точки зрения очень сложно подсчитать число потомственных горожан или, наконец, улан-баторцев второго поколения, поскольку половина жителей - переехавшие из *худоны* («сельская местность»). Их точную численность установить также затруднительно, поскольку у большинства нет регистрации в городе. 43,6% опрошенных социологами из Института философии АН Монголии родились в Улан-Баторе, 9,6% - живут в столице во втором (и больше) поколении, 10,1% - здесь не родились, но проживают с детства, 37,1% - приезжие [12, с. 167].

За последние 30 лет население столицы увеличилось почти в 3 раза преимущественно за счет миграции из провинции. Таким образом, портрет города формируют вчерашние кочевники с присутствующими им социально-культурными поведенческими стереотипами, в которых непросто провести черту между описываемым немецким исследователем С.Яновичем «приватным и публичным» [11]. Оставшиеся «настоящие» горожане отделяются от города, замыкаясь в элитных поселках, расположенных преимущественно на южной периферии города.

С другой стороны, учитывая, что 79,5% прибывших из провинции проживают в юрточных кварталах [13, с. 91], которые, как указывалось выше в примечании, по данным ВБ, составляют 90% застроенной территории, город рурализируется, превращается в деревню. Юрточные районы Улан-Батора семантически связаны с трущобами афро-азиатских городов, но с небольшим отличием. Классические трущобные жилища сооружаются из отходов: пластика, картона, пластмассы и пр.

В нашем же случае основной единицей выступает юрта - традиционное жилище центральноазиатских кочевых скотоводов, которое проявило свою практичность не только в условиях степи, но и в новых городских реалиях. В последнее время на участках с юртами соседствуют небольшие кирпичные дома, в которых проживает 61% жителей этих кварталов, в юртах - 38% [6, с. 55].

Рурализация Улан-Батора заключается не только в доминировании юрточных районов в общей площади застроенной части города, но и в превращении оставшегося пространства в «не-город» через хаотичную застройку и перманентные установки юрт во дворах многоэтажных домов. Негородскую атмосферу придают также «практики, позиции, взгляды, противные городскому обществу» и насаждаемые ему переселенцами [11].

Так мы вплотную подходим к главной проблеме данного повествования.

«НИЧЕЙНОСТЬ» УЛАН-БАТОРА

Динамика улан-баторцев - непереносимый атрибут социокультурного портрета столицы, но движение в городе, где официально насчитывается свыше 600 тыс. автомобилей, а дорожные сети эпохи социализма не способны справиться с транспортным трафиком, имеет свою особенность.

Большую часть рабочего времени автомобилисты находятся в пробке, преимущественно в центре города, на относительно небольшом участке территории. Сложно понять потребность такого перемещения там, где расстояние быстрее преодолевается пешком, но необходимость совершать поездки на личной машине отсылает нас к мыслям о тождественности в самосознании монгольского кочевника автомобиля и коня и предосудительному отношению к пешему.

Ранее я обращал внимание, что динамичный характер кочевой культуры регулируют и выражают стоянки, т.е. традиционные сезонные стойбища. В Улан-Баторе с ними соотносятся автобусные остановки [4, с. 27]. Если внимательно присмотреться к новым улан-баторцам, понимаешь, что они не собираются засиживаться в городе и строят перспективные планы по переезду за границу. Молодежь из степей надеется переехать на постоянное место жительства в город, но, перебравшись в город, она уже мечтает о зарубежных странах.

По неофициальным сообщениям, за границей Монголии проживает около 250 тыс. её граждан [14, с. 125]. Чаще всего монголы выезжают в Южную Корею, США, Россию, Чехию, Китай, Японию, Германию, Венгрию, Польшу, Великобританию, Голландию и Австралию.

Около 70% эмигрантов относятся к возрастной категории 20-35 лет [15, с. 22]. Вектор внутренней миграции в стране выглядит так: из райцентра (сомона) - в областной центр (аймак), отсюда - в столицу, а из столицы - за рубеж.

Эти процессы присущи также и монгольским казахам, составляющим этническое большинство в самом западном аймаке страны - Баян-Ульгийском. Пограничное с Россией (Республика Алтай) положение региона и частые трансроссийские взаимные поездки казахов из Монголии в Казахстан и обратно позволяют овладеть на достаточном уровне разговорным русским языком, но это обстоятельство не становится преимуществом при выборе казахом страны эмиграции.

Казахи в миграционных процессах придерживаются общемонгольской траектории, оставляя в стороне Россию и Казахстан. Причем, как сказал

автору преподаватель Монгольского национального университета, из Баян-Ульгийского аймака сначала «приезжают в Улан-Батор, чтобы стать монголами», руководствуясь необходимостью повысить их низкий уровень владения монгольским языком.

Следовательно, провинциалами Улан-Батор воспринимается как перевалочная база, сезонное стойбище, с которого необходимо отправляться в дальнейшее кочевье (за границу или обратно в *худон*). Все указанное гармонично вписывается в традиционную картину мира номада.

НОСТАЛЬГИЯ И ТОСКА ПО КОЧЕВНИЧЕСТВУ

Улан-Батор меняет традиционное сознание и менталитет прибывающего сюда степняка-монгола. Укорененная традиция, само движение по направлению город-худон-город, частые визиты в Улан-Батор родственников из степи, а также отрыв от малой родины подогревают в монголе чувство ностальгии и тоски по кочевому. Становятся актуальными элементы «постномадизма» - кочевой культуры, переосмысленной в отдалении от ее традиционного контекста - степи.

Ностальгия буквально пронизывает идентичность любого монгола, который мистически связан со своей малой родиной, родными кочевьями (монг. - *нутаг*). Она свойственна всем людям, но у монгола это чувство выражается особенно. Степняк, казалось бы, и не совершает переезда за пределы своей страны, однако поездка из *худона* в город приносит столько же потрясений, сколько и выезд за границу для немонгола. Специфика восприятия родных кочевий отражается в сакральной связи человека с конкретным урочищем и духами-хозяевами местностями, духами-предками. Ритуальная коммуникация монгола с *нутагом* проявляется с рождения (закапывание пуповины в родную землю) и проходит через отъезд с малой родины (по обычаю сопровождающийся проведением обрядов почитания духов) до самой смерти (желательность захоронения тела или - в случае кремации - праха в пределах родного урочища) [16, с. 92].

Все это приводит к популяризации образа *нутага* в трансформирующейся идентичности нового горожанина: в столице создаются землячества (чаще всего по аймакам), происходит брендирование родного аймака как локально-обобщенного

нутага. Землячества, публикуя в столице издания о родном аймаке и фотоальбомы, прославляют родной край, его природу.

В массовой культуре становятся популярны исполнители т.н. худонских песен, воспевающих абстрактные *нутаги*. Здесь отсутствуют конкретные топонимы, используются классические образы и мотивы: вечноснежные синие горы, сравниваемые с матерью, материнская белая юрта, стада пасущегося скота, украшающие родные кочевья, следы молока, которым кропили вслед уходящему человеку, и природа, весь родной край, встречающий возвращающегося из далеких странствий путника прежде родной матери [16, с. 95].

Такие песни заказывают, и поют их в многочисленных улан-баторских караоке. Поход в караоке с параллельным употреблением алкоголя - это не просто черта корпоративной культуры, как в Южной Корее, откуда данное явление проникло в Монголию, а один из излюбленных способов проведения досуга в городе. Плотность заведений караоке высокая, иногда в двух-трех соседних зданиях может насчитываться их до 10-15.

Коллективное распевание песен в качестве обычая может ассоциироваться с *найрами* (монг. *найр* - «пир, веселье, торжество, празднество»), которые, по обыкновению, сопровождаются в юрте поочередным вокальным исполнением народных композиций. Иногда это происходит в соревновательной манере «кто кого перепоеет». Если же присутствуют гости издалека (из других стойбищ или иностранцы), с них почти всегда будут требовать песню.

Праздничная культура в городе также является ярким примером кочевничества. Улан-Батор максимально обретает облик традиционной Монголии в период двух наиважнейших праздников, ставших государственными: *Цагаан сар* (монг. «Белый месяц») - Новый год по лунному календарю и *Наадам* - летнее состязание мужчин в трех видах спорта (скачки, борьба и стрельба из лука*).

Празднование Нового года в Монголии начинается с посещения гостей с последующим церемониальным приветствием, непродолжительным застольем и взаимным одариванием хозяев и гостей подарками. В первый день горожане стремятся навестить сначала самых уважаемых старших родственников, что увеличивает на дорогах Улан-Батора и без того высокий трафик. Вместе с тем,

* В последнее время не только в городе, но и в худоне в стрельбе из лука стали соревноваться и женщины, что несколько нарушает установленную традицию. О затратах на подготовку и празднование *Цагаан сара* - 59% улан-баторцев и 64% жителей провинции для этого берут кредиты. Средняя сумма расходов - 1млн 31 тыс. тугриков (примерно 26 тыс. руб.) - внушительная цифра для семей со средним доходом в 1 млн (работающие семьи) и около 400 тыс. (пенсионеры), при том, что основная часть торжества ограничена первыми 3-4 днями «Белого месяца». По причине высоких затрат 20% городских домохозяйств не отмечают этот праздник, в худоне - только 6% (см.: Mongolian Marketing Consulting Group; Archive for the «Tsagaan Sar Gift Index» Category - <http://blogs.ucl.ac.uk/mongolian-economy/category/blog-series/tsagaan-sar-gift-index/>).

некоторые состоятельные столичные жители по разным причинам - от уклонения от организации дома торжества до банального желания отдохнуть и с выгодой для себя использовать выходные - на период праздника отправляются в курортные страны (Таиланд, Китай), что говорит об индифферентном отношении к происходящему и частичном нивелировании традиции.

Большинство столичных мужчин всегда с интересом следит за соревнованиями по монгольской борьбе и болеют за выходцев из родного аймака. В этом снова проявляется ностальгия и региональная идентичность болельщиков. Манифестация кочевничества и/или тоска по традиции происходит и через ношение монгольского халата *дээл*, обвязанного длинным и широким у мужчин и коротким у женщин поясом. По одежде издали можно всегда определить представителя старшего поколения либо жителя худона, недавно и, возможно, ненадолго приехавшего в Улан-Батор.

В период празднования *Цагаан сара* все монголы обязаны облачиться в традиционную одежду, желательно недавно приобретенную специально для такого случая. Каждая семья старается заблаговременно для всех членов заказать серию однотонных *дээл* в швейной мастерской, но не всем молодым монголам нравится подобная идея. При любом удобном случае, чаще всего после приветствия гостей в самом начале празднования, они стараются снять халат.

Из оставшихся бытовых сюжетов, отдаленно напоминающих в городе кочевничество, следует упомянуть уже отмечаемую аналогию автомобиль - конь, движение-динамику как один из критериев номадизма и магию чисел - благоговейное отношение монголов к особым числовым комбинациям*. К примеру, восьмизначные номера мобильных телефонов, начинающиеся на «9911», могут стоить до 20 млн тугриков (около 500 тыс. руб.).

В монгольской культуре широко известно уважительное отношение к числу «9» как к максимальному выражению полноты, а в сочетании с единицей эта полнота становится абсолютной, но цена обусловлена и практической причиной: желанием подчеркнуть свой статус, примкнуть к элитарному слою первых пользователей сотовой связи.

Также популярны «красивые номера» с возрастающим цифровым значением (например, оканчивающиеся на «2233», «4567» и т.п.). Нежелательны номера с уменьшающимися цифрами и

оканчивающиеся на ноль. В отдельных столичных ломбардах специально принимают в качестве залога автомобили с особыми номерами.

По мнению некоторых экспертов, весь комплекс проблем современного Улан-Батора, в т.ч. перенаселенность, загрязненность, коррупция во власти, базируются, в частности, на монгольском менталитете, на традиционном индивидуализме кочевой культуры. Так, известный журналист Д.Жаргал в передаче от 18 ноября 2018 г. обозначил контуры данного вопроса, сказав, что «времена кочевников, когда мы не встречались друг с другом, ни с кем почти месяц, прошли, это было другое общество, а сейчас мы вместе даже не помещаемся в этом городе, и поэтому здесь общие интересы должны быть на таком же уровне, как и личные интересы»**.

Тем не менее, отход от кочевничества как состояние души невозможен ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе. Пожалуй, два фактора, безусловно, способствуют этому: сама сущность кочевничества как стержня монгольской идентичности и присутствие в общей структуре населения столицы значительной доли новых улан-баторцев с неизжитыми выразительными традициями и стереотипами. Причем сами монголы не стремятся отказываться от своих тысячелетних установлений, привычек и обычаев, объясняя особенности своей культуры, не до конца понятные стороннему наблюдателю, фразой: «Мы же кочевники»***.

* * *

По некоторым демографическим прогнозам, население Улан-Батора к 2040 г. достигнет 2 млн 387 тыс. человек [13, с. 87], тогда как население всей страны приблизится к отметке в 5 млн [17, с. 37]. Усиливающаяся миграция сельских жителей в Улан-Батор, перенесение сюда стереотипов кочевого поведения, отток активного городского меньшинства из Монголии за границу приводят к постепенной «геттоизации» всей столицы, а не только отдельных юрточных районов, что наблюдается сейчас.

Пример Улан-Батора демонстрирует возможность использования при изучении современного этнографического явления конкретной методики «не-места» (взгляда извне) и собственного языка описания (*этнографического* подхода), т.е. языка изучаемой культуры, сезонные пастбища.

Помимо всех перечисленных практик новых улан-баторцев, «ничейность» столицы и интер-

* Информацию по теме, относящуюся к традиционному обществу, см. более подробно в классическом исследовании: Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., Наука. 1988, с. 131-152.

** Де-факто Обзор - <https://www.youtube.com/watch?v=D1eXRDnFffc>

*** Одна из недавних статей в самой читаемой монгольской ежедневной газете *Одрийн сонин* («Ежедневные новости») пытается безуспешно опровергнуть устойчивое мнение, по которому причины всех негативных сторон монгольской жизни и, в частности, межличностных отношений, кроются в кочевой культуре (*Одрийн сонин*. 27.11.2018).

претация ее как «не-места» дополняю тот факт, что город не воспринимается жителями, в т.ч. и родившимися здесь, как *нутаг* (родные кочевья). Приезжие ощущают его как сезонную (скотоводческую) стоянку. Конечно, чувство ностальгии присуще коренному населению, но в своих рассуждениях и погружениях в самопознание *нутаг* всегда локализуется в местах рождения предков, чаще всего обобщенно сужаясь до сомона, аймака или региона.

Перенаселение Улан-Батора требует от правительства страны скорейшего разрешения усугубляющейся ситуации, но все предпринимаемые до настоящего времени попытки улучшения ситуации (проект новой столицы, вариант строительства за чертой Улан-Батора университетского го-

родка, программы по расселению юрточных районов и т.п.), по сути, были малоэффективны. В октябре 2018 г. мэрия объявила об открытии в 2019 г., взамен двух прежних, новой организации, которая специально будет заниматься вопросами проектировки и застройки столицы, - Исследовательского института градостроительства.

Столица разрастается опережающими темпами: генеральный план развития города до 2020 г. предусматривал численность населения до 1,4 млн человек, но эта цифра уже в 2014 г. составляла 1,3 млн [8, с. 186]. Планируется принятие единой стратегии развития Улан-Батора до 2040 г., разработкой которой займется указанный институт. Последуют ли за этим конкретные положительные результаты, покажет время.

Список литературы / References

1. Терентьев В.И. Монголия. Кочевники в городе // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. (Terentyev V.I. 2015. Mongolia. Nomads in the city // Asia and Africa today. № 3) (In Russ.)
2. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М., НЛЮ. 2017. (Auge M. 2017. Non-place. An introduction to Anthropology of Supermodernity. M.) (In Russ.)
3. Линднер Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. М., НЛЮ. 2018. (Lindner R. 2018. Texture, imaginary, habitus: key concepts of cultural analysis in urban studies // Own logic of cities. New approaches in urban studies. M.) (In Russ.) - <http://flibusta.site/b/487519/read> (accessed 05.11.2018)
4. Терентьев В.И. Монголия: современные механизмы национальной консолидации // Азия и Африка сегодня. 2014. № 5. (Terentyev V.I. 2014. Mongolia: modern mechanisms of national consolidation // Asia and Africa today. № 5) (In Russ.)
5. Бороноева Д.Ц. Социокультурный облик современного Улан-Батора // Преподаватель XXI век. 2010. № 4. (Boroneva D.Ts. 2010. Socio-cultural appearance of contemporary Ulaanbaatar // Prepodavatel XXI vek. № 4) (In Russ.)
6. Бреславский А.С. Улан-Батор и «пригородная революция» // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. (Breslavsky A.S. 2017. Ulaanbaatar and the post-socialist suburban revolution // Asia and Africa today. № 1) (In Russ.)
7. Михалев А.В. Современный Улан-Батор: на пути к мировому городу // Городские исследования и практики. 2016. Том 1. № 2. (Mikhalev A.V. 2016. Ulaanbaatar Today: towards a global city // Urban studies and practices. Vol. 1. № 2) (In Russ.)
8. Нарантуяа Н. Планировка и застройка Улан-Батора // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2016. № 4 (19). (Narantuyaa N. 2016. Planning and development of Ulaanbaatar // Proceedings of universities. Investments. Construction. Real estate. № 4 (19)) (In Russ.)
9. Иванова И.Н., Почебут Л.Г. Динамика шведской идентичности // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 2 (4). (Ivanova I.N., Pochebut L.G. 2013. Dynamics of Swedish identity // Museum. Traditions. Ethnicity. № 2 (4)) (In Russ.)
10. Баталов С.Г. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). (Batalov S.G. 2009. Nomadic city as a special cultural phenomenon of the nomadic civilization of Eurasia // Bulletin of Chelyabinsk State University. № 28 (166)) (In Russ.)
11. Янович С. «Обычные» африканские города и их собственная логика // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. М., НЛЮ. 2018. (Yanovich S. 2018. «Ordinary» African cities and their own logic // Own logic of cities. New approaches in urban studies. M.) (In Russ.) - <http://flibusta.site/b/487519/read> (accessed 05.11.2018)
12. Монголы в зеркале социологии. Сводный сборник результатов исследований. Т. IV. Улан-Батор, МАН, ИФ. 2015. (2015. Mongols in the mirror of sociology. Consolidated compilation of research results. Vol. IV. Ulaanbaatar) (In Russ.)
13. Бадараев Д.Д. Миграционные процессы в монгольском обществе в зеркале магистралей культур // Известия Восточного Института. 2015. № 3 (27). (Badaraev D.D. 2015. Migration processes in the Mongolian society in the mirror of the highways of cultures // News of the Eastern Institute. № 3 (27)) (In Russ.)
14. Бадараев Д.Д. Социально-структурные процессы в монгольском обществе: опыт трансформации и методологические аспекты изучения // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 4 (16). (Badaraev D.D. 2014. Social and structural processes in Mongolian society: experience of transformation and methodological aspects of the study // Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. № 4 (16)) (In Russ.)
15. Галиймаа Н. Миграция монголов за рубежом: почему они уезжают и почему они возвращаются // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры. СПб, Нестор-История. 2016, с. 19-34. (Galiimaa N. 2016. The Mongols' cross-border migration: Why do they leave and why do they return // East in the East, in Russia and in the West: Cross-border migrations and diasporas. Saint Petersburg) (In Russ.)
16. Терентьев В.И. «Нутаг» как понимание образа малой родины у современных монголов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 2 (20). (Terentyev V.I. 2018. «Nutaг» as understanding of the image of a small motherland of modern Mongolians // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. № 2 (20)) (In Russ.)
17. Renewed 2015-2045 Population Projection. Ulaanbaatar, National Statistics Office of Mongolia. 2017 (In Mong.)